

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯ

1987 12

МУРЗИЛКА

ISSN 0132-1943

ОКТЕ
1987
12

**С Новым
годом,
дорогие
ребята!
С весёлыми
зимними
каникулами!**

Отдыхайте вволю, играйте, соревнуйтесь на лыжных трассах и ледяных полях, резвитесь и пляшите вокруг ёлки.

А в тихий вечер раскройте хорошую книгу. Почитайте любимые стихи и рассказы, откройте страницы новых повестей и приключений. И конечно — сказок. А Мурзилка вам в этом поможет.

**Счастливого
Нового
года,
друзья!**

Кони барина везут,
Наш Морозец тут как тут!
Рядом с паном в сани сел —
Нос у пана побелел,
Пан не чует рук и ног,
Весь до косточек продрог,
Льдинки сыплются из глаз...
Пробил пану смертный час,
Не спасли его меха —
Рукавицы и доха.

— Что ты кверху поднял нос? —
Встретил внука Дед Мороз.
Усмехнулся внук в ответ:
— Шуба есть, а пана нет
И не вылез из мехов,
Как промёрз до потрохов.
Ты силён, а я сильнее,
И кусаюсь я больней!
Заморожу целый свет!

— Ладно, внучек, — крикнул дед. —
Заморозишь! А пока
Заморозь-ка мужика.
— Где? Какого?
— Вон в бору
Рубит сучья на ветру!

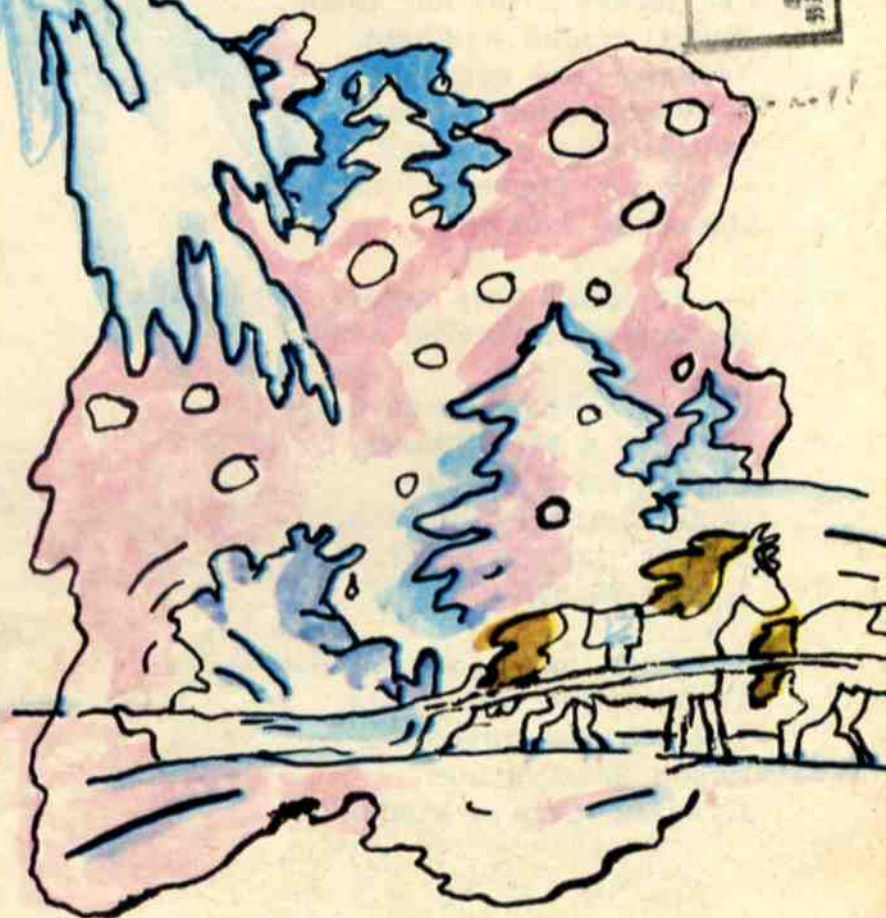
МОРОЗ И МОРОЗЕЦ

(Литовская сказка)

Сергей МИХАЛКОВ

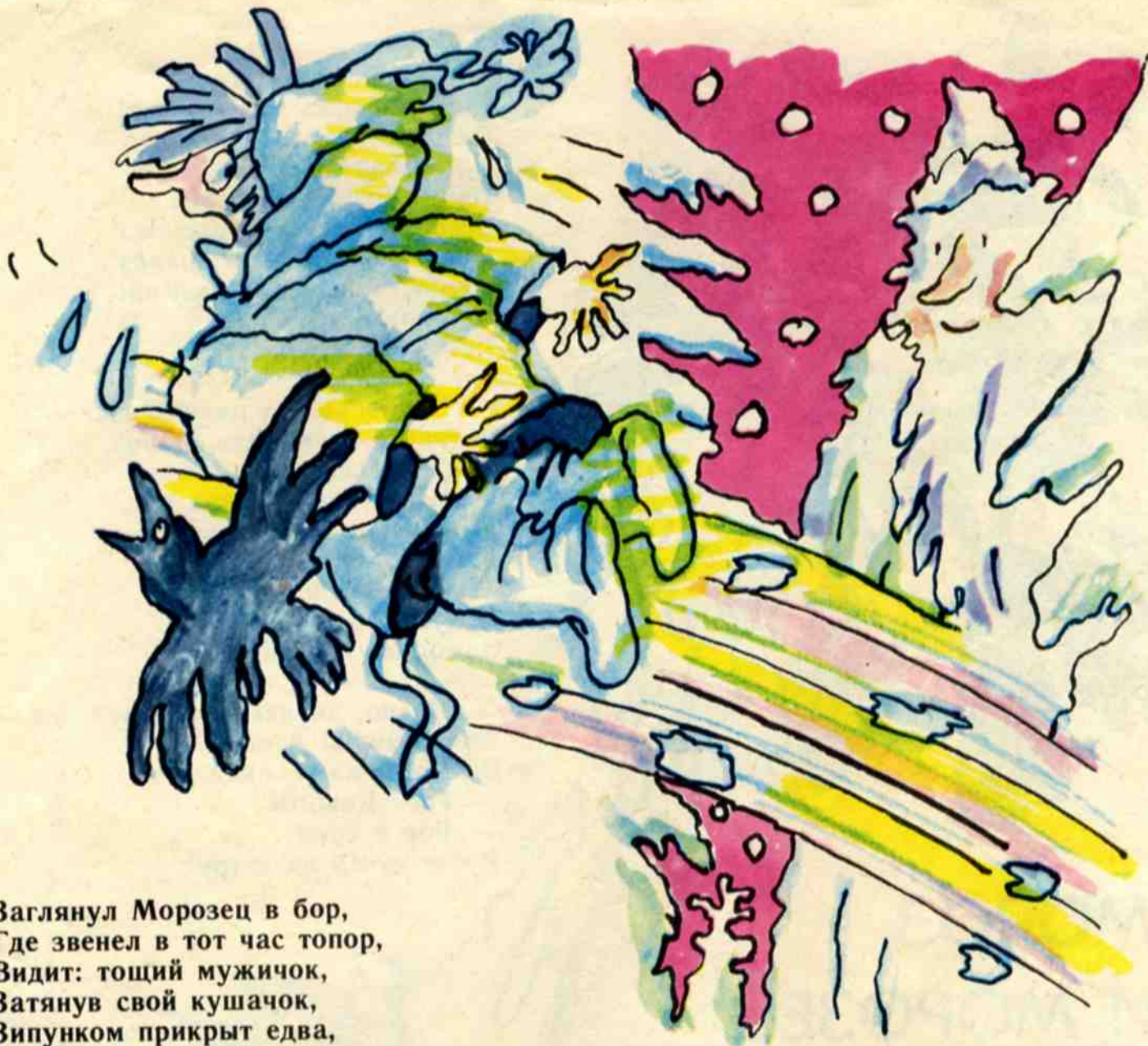
Жил когда-то Дед Мороз,
У него внучонок рос.
Всем хорош Морозец был,
Да похвастаться любил:
— Дед силён, а я сильнее!
И кусаюсь я больней!
Я моложе на сто лет!
Заморожу целый свет!

Вот Морозец как-то раз
В чистом поле, в поздний час,
Видит: едет, сыт и пьян,
В толстой шубе толстый пан.

№ 0490
ВОСТНИКОВЫХ

Востникова
1971

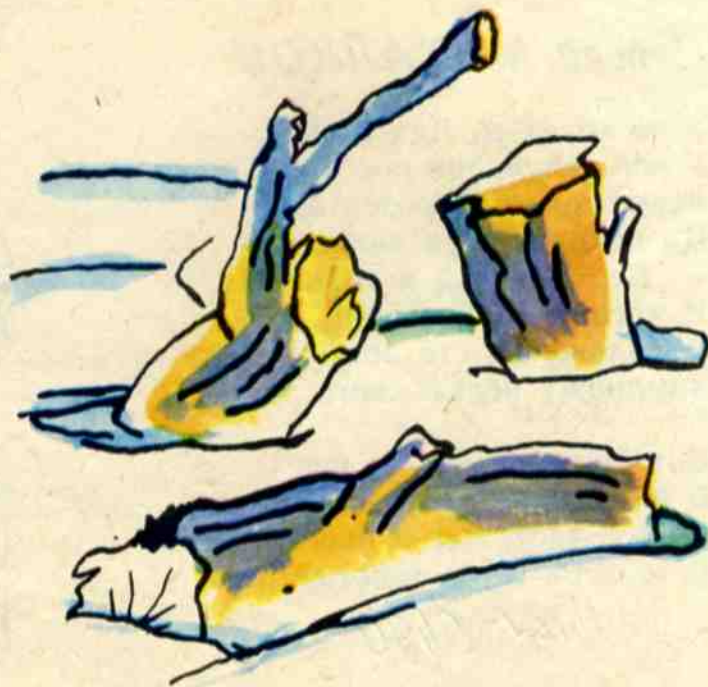

Заглянул Морозец в бор,
Где звенел в тот час топор,
Видит: тощий мужичок,
Затянув свой кушачок,
Зипунком прикрыт едва,
Рубит сучья на дрова.
— Ну-ка, внучек! — молвил дед. —
Одолеешь или нет?

— Да таких хоть десять штук! —
Не моргнув, ответил внук.

Как пришёл Морозец в лес,
Мужику в зипун залез,
Пробирает мужика —
Больно щиплет за бока,
За нос, за уши дерёт,
Прямо за душу берёт!

А мужик, зная, крепок был —
Так и рубит, как рубил,
Так и машет топором,
Разбирает бурелом.
Призаморится — вздохнёт,

Только пот с лица смахнёт,
Чуть присядет на пенёк:
— Жаркий выдался денёк!

Час ли, два часа прошло —
Время быстро утекло.
Мужичонка, жив-здоров,
Наложил на санки дров,
За кушак топор заткнул
И до дому повернул.
А Морозец, сам не свой,
Поплелся к себе домой.

— Ты чего повесил нос? —
Встретил внука Дед Мороз.
Что ответил деду внук,
Здесь писать нам недосуг,
Только скажем: с этих пор,
Как берёт мужик топор,
Так Морозец — ни гугу! —
Тихо дремлет на снегу.

Рис. С. ДЕНИСОВА

ДЕД МОРОЗ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Дует ветер, крутится белый снег и наносит его высокими сугробами у каждой избы.

И с каждого сугроба мальчишки на салазках съезжают; повсюду можно кататься мальчишкам, и вниз к речке на ледянке турманом лететь, и скувыркиваться с омётов соломы, — нельзя только заходить за Аверьянову избу, что посередине села.

У Аверьяновой избы намело высокий сугроб, а на нём кончанские мальчишки стоят и грозятся выпустить красные слюни.

Аверьянову же сыну — Петечке хуже всех: кончанские мальчишки грозятся, а свои кричат: ты кончанский, мы тебе скулы на четыре части расколем, и никто его не принимает играть.

Скучно стало Петечке, и принялся он в сугробе нору копать, чтобы туда залезть одному и сидеть. Долго Петечка прямо копал, потом стал в сторону забираться, а как добрался до стороны, устроил потолок, стены, лежанку, сел и посиживает.

Просвечивает со всех сторон голубой снег, похрустывает, тихо в нём и хорошо. Ни у кого из мальчишек такого дома нет.

Досиделся Петечка, пока мать ужинать позвала, вылез, вход комьями завалил, а после ужина лёг на печку под полушубок, серого кота за лапу подтащил и говорит ему на ухо:

— Тебе я вот чего, Вась, расскажу — у меня дом лучше всех, хочешь со мной жить?

Но кот Вась ничего не ответил и, помурлыкав для вида, вывернулся и шмыг под печку — мышей вынюхивать и в подполье — шептаться с домовым.

Наутро Петечка только залез в снежный дом, как слышит — хрустнул снег, потом сбоку полетели комья, и вылез из стенки небольшого роста мужичок в такой рыжей бороде, что одни глаза видны. Отряхнулся мужичок, присел около Петечки и сделал ему козу.

Засмеялся Петечка, просит ещё сделать.

— Не могу, — отвечает мужичок, — я домовый, боюсь тебя напугать очень.

— Так я теперь всё равно тебя забоялся, — отвечает Петечка.

— Чего меня бояться: я ребятишек жалею, только у вас в избе столько народу, да ещё телёнок, и дух такой тяжёлый — не могу там жить, всё время в снегу сижу; а кот Вась давеча мне говорит: Петечка, мол, дом-то какой построил.

— Как же играть будем? — спросил Петечка.

— Я уж не знаю: мне бы поспать охота; я дочку свою кликну, она поиграет, а я вздремну.

Домовой прижал ноздрю да как свистнет... Тогда выскочила из снега румяная девочка, в мышинной шубке,

чернобровая, голубоглазая, косичка торчит, мочалкой повязана; засмеялась девочка и за руку поздоровалась.

Домовой на лежанку лёг, похраптел, говорит:

«Играйте, ребятишки, только меня в бок не толкайте», — и тут же захрапел, а домовова дочка говорит шёпотом:

— Давай в представлёныши играть.

— Давай, — отвечает Петечка. — А это как? Чего-то боязно.

— А ты, Петечка, представляй, будто на тебе красная шёлковая рубашка, ты на лавке сидишь и около крендель.

— Вижу, — говорит Петечка и потянулся за кренделем.

— И сидишь ты, — продолжает домовова дочка и сама зажмурилась, — я избу мету, кот Вась о печку трётся, чисто у нас, и солнышко светит. Вот собрались мы и за грибами в лес побежали, босиком по траве. Дождик как припустится и впереди нас всю траву вымочил, и опять солнышко проглянуло... до леса добежали, а грибов там видимо-невидимо...

— Сколько их, — сказал Петечка и рот разинул, — красные, а вон боровик, а есть можно? Они не поганые, представленные-то грибы?

— Есть можно, теперь купаться пойдём: катись на боку с косогора; смотри, в реке вода ясная, и на дне рыбу видно.

— А у тебя булавки нет? — спросил Петечка. — Я бы сейчас пескаря на муху поймал...

Но тут домовый проснулся, поблагодарил Петечку и вместе с дочкой обедать улез.

Назавтра опять прибежала домовова дочка, и с Петечкой они придумывали невесть что, где только не побывали, и так играли каждый день.

Но вот преломилась зима, нагнало с

востока сырых туч, подул мокрый ветер, ухнули, осели снега, почернел навоз на задворках, прилетели грачи, закружились над голыми ещё ветками, и стал подтаивать снежный дом.

Насилу влез туда Петечка, промок даже весь, а домовова дочка не приходит. И принялся Петечка хныкать и тереть кулаками глаза; тогда домовова дочка выглянула из дыры в стенке, пальцы растопырила и говорит:

— Мокрота, ни до чего дотронуться нельзя, теперь мне, Петечка, играть некогда: столько дела — руки отваливаются, да и дом всё равно пропал.

Басом заревел Петечка, а домовова дочка плеснула в ладоши и говорит:

— Глупый ты, — вот кто. Весна идёт, она лучше всяких представлёншей. — Да и кричит домовому: иди, мол, сюда. Петечка орёт, не понимает.

Домовой сейчас же явился с деревянной лопатой и весь дом раскидал, — от него, говорит, одна сырость, — Петечку за руки взял, побежал на задворки, а там уж рыжий конь стоит; вскочил на коня домовой, Петечку спереди присунул, дочку позади, коня лопатой хлоп, конь скок, и под горку по талому снегу живо до леса домчал. А в лесу из-под снега студёные ручьи бегут, лезет на волю зелёная трава, раздвигает талые листья, ухают овраги, шумят, как вода, голые ещё берёзы почками покрываются. Прибежали зайцы, зимнюю шерсть лапами соскребают, кувыркаются, в синем небе гуси летят...

Домовой Петечку с дочкой ссадил, сам дальше поскакал, а домовова дочка сплела жёлтенький веноч, ладони ко рту приложила и крикнула:

— Ау, русалки, ау, сестрицы-мавки, полно вам спать!

Аукнулось по лесу, и со всех сторон, как весенний гром, откликнулись русалочки голоса.

— Побежим к мавкам, — говорит домовова дочка, — они тебе красную рубашку дадут, настоящую, не то что в снежном дому.

— Кота бы нам взять, — говорит Петечка.

Смотрит, и кот явился, хвост трубой, и глаза воровские горят.

И побежали они втроём в густую чащу к русалкам играть, только не в представлёнши, а в настоящие весенние игры: качаться на деревьях, хохотать на весь лес, будить сонных зверей — ежей, барсуков и медведя — и под солнцем на крутом берегу водить весёлые хороводы.

Рис. В. ПЕРЦОВА

Награда

Лев ТОЛСТОЙ

Мужик нашёл дорогой камень и понёс его к царю. Пришёл во дворец и стал спрашивать у царских слуг: как бы царя увидеть.

Один царский слуга спросил: зачем ему царя. Мужик рассказал. Слуга и говорит:

— Хорошо, я скажу царю, но только отдай мне половину того, что тебе даст царь. А если не обещаешь, то не допускаю тебя до царя.

Мужик обещал, слуга доложил ца-

рю. Царь взял камень и говорит:

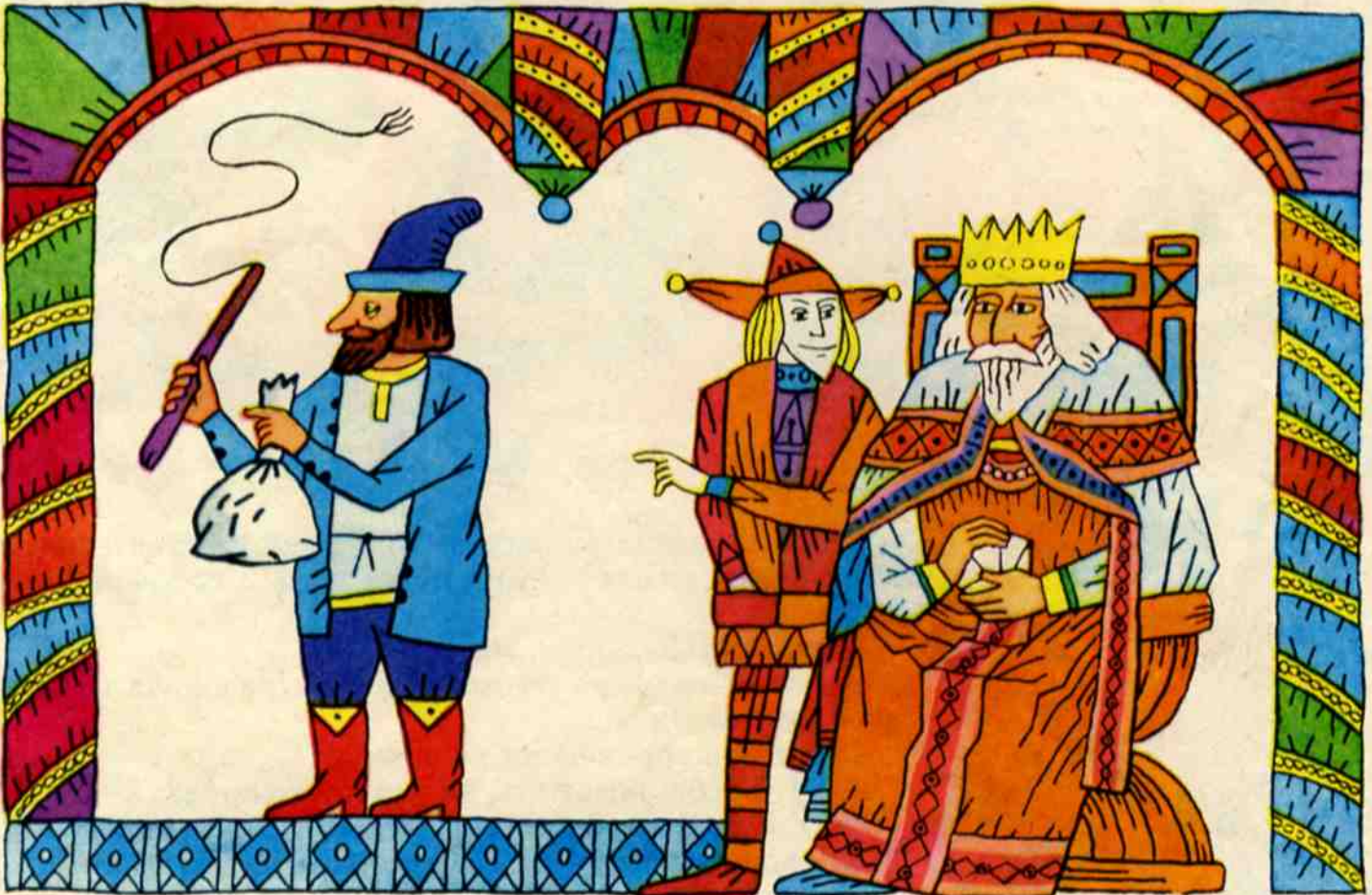
— Какую тебе, мужик, награду дать?

Мужик говорит:

— Дай мне пятьдесят плетей, не хочу другой награды. Только у меня с твоим слугою уговор был, чтобы пополам делить награду. Так мне двадцать пять и ему двадцать пять.

Царь посмеялся и прогнал слугу, а мужику дал тысячу рублей.

Рис. О. ЭСТИСА

Алексей РЕМИЗОВ

Ехал богатырь по чистому полю, конь у него и издох. И пошёл богатырь пешком на своих на двоих. Видит богатырь, на дороге дерутся Змея и Лев-зверь, разбрóдили землю и ни который побить не может.

— Эй, богатырь,— кричит Змея,— пособи мне Льва-зверя победить!

— Эй, богатырь,— ревёт Лев-зверь,— пособи мне Змею победить!

ЛЕВ-
ЗВЕРЬ

Подумал, подумал богатырь и решил заступиться за Льва-зверя. «Змея змей и будет, нечего от неё ждать мне!»

И пособил богатырь Льву-зверю.

Бросил Лев-зверь Змею на землю, разорвал её на-двое. Убили Змею.

Лев-зверь спрашивает богатыря:

— Что тебе, богатырь, за услугу хочется?

— У меня коня нет,— говорит богатырь,— а пешком я на своих на двоих не привык ходить, подвези меня до города.

— Садись да знай держись крепче,— согласился Лев-зверь.

Сел богатырь на Льва-зверя, и побежал Лев-зверь по чистому полю, по тёмному лесу,— где высоки горы, где глубоки ручьи,— всё через катит.

Выбежал Лев-зверь на зелёные луга и у заставы стал.

— Никому не сказывай, что на Льве-звере ехал,— говорит Лев-зверь,— не то съем. Я сам — царь! На себе возить мне людей невозможно. Я тогда и царём не буду.

И пошёл Лев-зверь в чистое поле, а богатырь в город.

Пришёл богатырь к товарищам, а те над ним смеются, что пешком ходит.

Богатырь отпираться:

— Конь,— говорит,— издох.

А потом как выпил, да стал пьян-весел, и рассказал, как было: как он на самом Льве-звере приехал.

Посидел богатырь с товарищами, пошёл себе коня искать.

И только это вышел он за город, а Лев-зверь тут как тут; бежит Лев-зверь к богатырю, пасть открыта, зубы оскалил.

— Зачем ты,— говорит,— похвастал, что на мне ехал? Говорил я тебе, ты не послушал,— съем!

— Извини,— говорит богатырь,— я тобою не хвастал.

— Как так не хвастал! Да ты же говорил, что на Льве-звере ехал.

— Нет, Лев-зверь, говорил, да не я, хмель говорил.

— Какой хмель?

— А вот попробуй, так и сам увидишь.

Лев-зверь согласился.

Выкатил богатырь вина три бочки сороковых.

Лев-зверь бочку выпил, другую выпил, а из третьей только попробовал и стал пьян: уж бегал, бегал, упал и заснул.

А богатырь, пока Лев-зверь спал, вкопал в землю столб да туда на самую вышку и поднял Льва-зверя.

Проснулся Лев-зверь, очухался,— диву даёт: и как это его угораздило на такую высоту подняться, а главное дело — спуститься не может.

— Вишь ты, хмель-то куда тебя занёс! — говорит богатырь.— Что, узнал теперь, каков этот хмель?

— Узнал, узнал,— сдаётся на всё Лев-зверь,— только спусти, пожалуйста, а то чего доброго ещё сорвусь, да и неловко: народу сколько!

Снял богатырь Льва-зверя, и побежал Лев-зверь в чистое поле: будет хмель помнить,— срам-то какой!

Рис. А. МАКСИМОВА

ЁЖ

А. ТОЛСТОЙ

Телёнок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем!

Еж не знал, что телёнок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй...

Задрав хвост, запрыгал глупый телёнок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел телёнок и побежал к корове-матери, жалуется: — Еж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А ёж покатился в тёмную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за тёмный лес.

— У нас ёж — богатырь, — шёпотом со страху говорили звери.

ЗНАЕМ!

Н. ГАРИН- МИХАЙЛОВСКИЙ

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:

— Знаем, знаем!

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

— Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, — сказал человек, — то поднимешься на один аршин от земли; на две пуговицы — до полунеба улетишь, на три — совсем на небо улетишь.

Муж, вместо того, чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

— Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо.

А жена его бежала и кричала:

— Смотрите! Смотрите! Мой муж летит!

Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела всё в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он превратился в орла, а она — в рыбку.

И это, конечно, ещё очень хорошо для таких разинь, как они.

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

ЛИС И МЫШОНОК

В. БИАНКИ

- Мышонок, Мышонок, отчего у тебя нос грязный?
- Землю копал.
- Для чего землю копал?
- Норку делал.
- Для чего норку делал?
- От тебя, Лис, прятаться.
- Мышонок, Мышонок, я тебя подстерегу!
- А у меня в норке спаленка.
- Кушать захочешь — вылезешь!
- А у меня в норке кладовочка.
- Мышонок, Мышонок, а ведь я твою норку разрою.
- А я от тебя в отнорочек — и был таков!

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Максим ГОРЬКИЙ

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит — не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой, Иванушка влез на полаты, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, — запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети, испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, — соображает: «Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!»

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошёл в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй, ты, зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, — Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь ещё сильнее смеётся, так

и катается по земле со смеху!

— Никогда такого глупого не видал!
Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повёл его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат, он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живёт!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка набери малины лесной, — детишки проснутся, я их вкусеньким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к медведям и поёт во всё горло:

Эх, как неловки

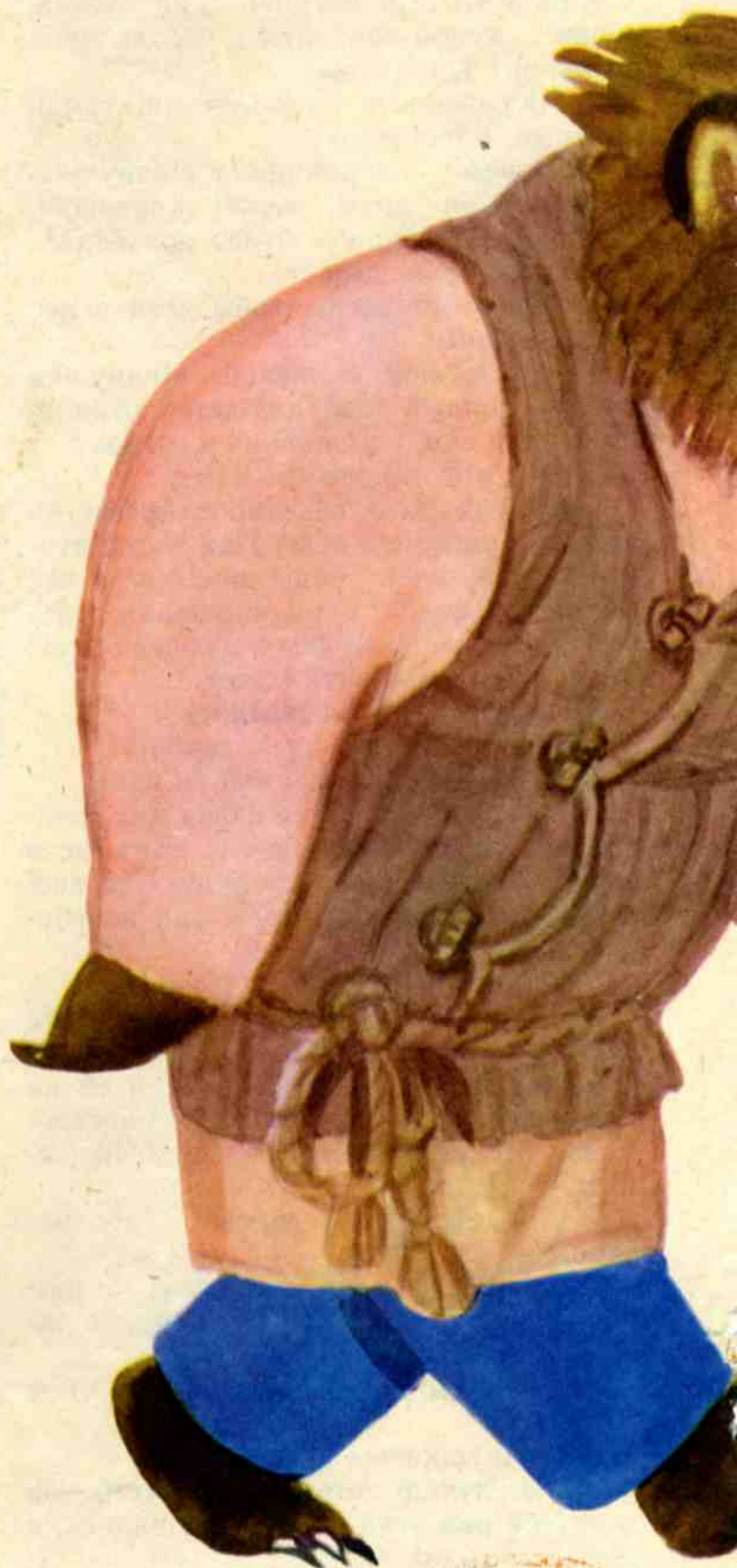
Божии коровки!

То ли дело — муравьи

Или ящерицы!

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эхма, жаль, что я не Медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь, — да с ним жить нельзя, со смеху помрёшь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятшек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут — разговаривают по-приятельски.

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну-да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо их спросить. Мои — есть хотели. Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

Эх, вот так чудеса!

Жуки ловят зайца,

Под кустом сидит лиса,

Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяйева из города воротились, видят: посреди избы кадушка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?

— А я почему знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас её принесут, — вот она!

Выглянули хозяйева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли, со страху, в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

Рис. В. ЛОСИНА

Жили-были Лень да Отьеть.

Про Лень все знают: кто от других слышал, кто встречался, кто и знает, и дружбу ведёт. Лень — она прилипчива: в ногах путается, руки связывает, а если голову обхватит, — спать по-валит.

Отеть Лени ленивей была.

День был лёгкой, солнышко пригревало, ветерком обдувало.

Лежали под яблоней Лень да Отьеть. Яблоки спелы, румянятся и над самыми головами висят.

Лень и говорит:

— Кабы яблоко упало мне в рот, я бы съела.

Отеть говорит:

— Лень, как тебе говорить-то не лень?

Упали яблоки Лени и Отети в рот. Лень стала зубами двигать тихо, с передышкой, а съела-таки яблоко.

Отеть говорит:

— Лень, как тебе зубами-то двигать не лень? Надвинулась тёмная туча, молния ударила в яблоню. Загорела яблоня, и большим огнём. Жарко стало.

Лень и говорит:

— Отеть, сшевелимся от огня. Как жар не будет доставать, будет только тепло доходить, мы и остановимся.

Стала Лень чуть шевелить себя, далёконько сшевелилась.

Отеть говорит:

— Лень, как тебе себя шевелить-то не лень? Так Отеть голодом да огнём себя извела.

Стали люди учиться, хоть и с леностью, а учиться. Стали работать уметь, хоть и с ленью, а работать. Меньше стали драку заводить из-за каждого куса, лоскутка. А как лень изживём — счастливо заживём.

О О Г Ж К А

Владислав БАХРЕВСКИЙ

Сказка изобрела ковёр-самолёт, а мы — космический корабль.

Сапоги-скороходы — для одного человека. Автомобили, самолёты, корабли — для многих.

Перенестись на край света? — Щелчок кнопки, и на экране — Африка, Амазонка, белый медведь на льдине.

Мы умеем больше, чем сказка! Но почему же тогда она всё милее нам, всё роднее?

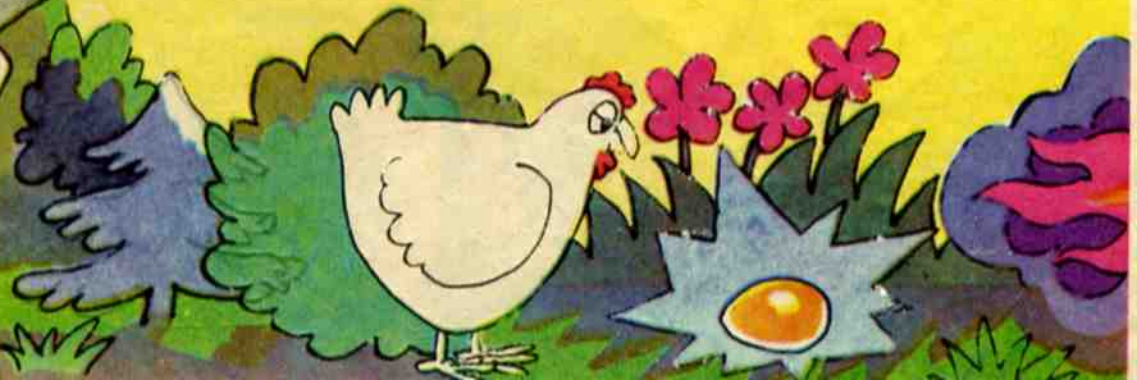
Почему до сих пор сочиняют сказки? То вдруг объявится старик Хоттабыч, то Карлсон, который живёт на крыше, Чебурашка?

Дело в том, что все взрослые когда-то были детьми, а детям обязательно рассказывают сказки.

Александр Сергеевич Пушкину сказки сказывала няня Арина Родионовна. Когда поэт вырос, он сочинил чарующие оды, поэмы и даже роман в стихах. Но в нём постоянно жила память о чуде и радости. Чудом и радостью, от которых сладко щемит сердце, были нянины сказки.

И тогда Пушкин сочинил:

Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд...

Лев Николаевич Толстой — автор великих романов — тоже никогда не забывал о чуде, которое во дворцах было только гостем, а рождалось и жило под соломенной крышей крестьянской избы, — о чуде русской сказки.

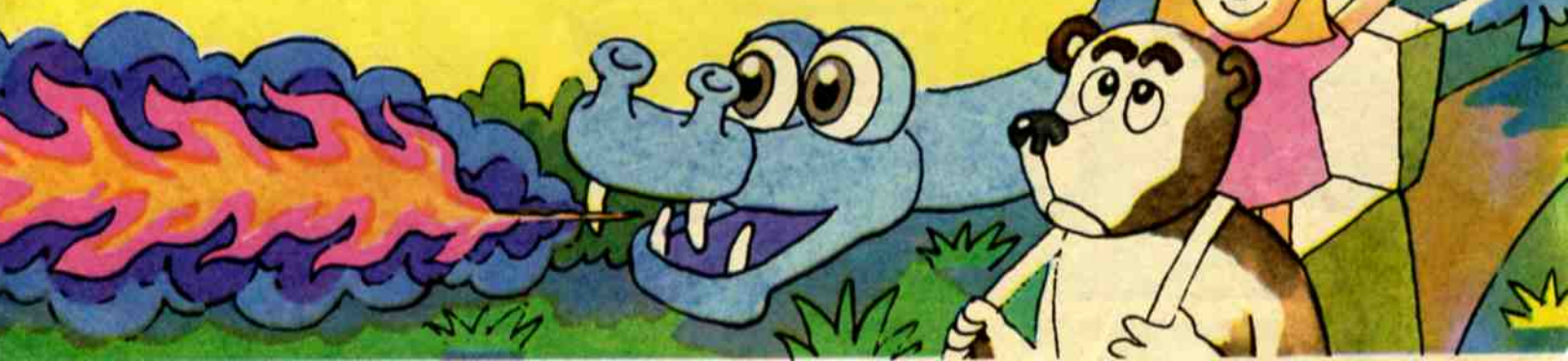
Желая помериться силою слова с народными сказителями, Лев Толстой сочинил сказку про Машу и трёх медведей и многие другие. Складно сочинил, народ эти сказки принял и, на радость писателю, признал за свои.

Но то всё в прошлом, а есть ли у сказки будущее? Станете ли вы, нынешние дети, рассказывать сказки своим внукам?

Мне про это так думается: что бы мы ни изобрели, куда бы ни залетели, хоть за Галактику, — сказка останется с нами. Тут даже тайны нет. Сказка родилась с человеком, и покуда жив человек, будет и сказка жива.

Она — светлячок перед сном в колыбели. И для малого, кто слушает, и для старого, кто рассказывает.

У сказки тихий голосок,
Но чудо впереди.
Дорогой в ноги — поясок,
Бор тесноват,
Забор высок,
И сердце — ах! — в груди.

КАЛЕНДАРЬ СВЯТЫЙ

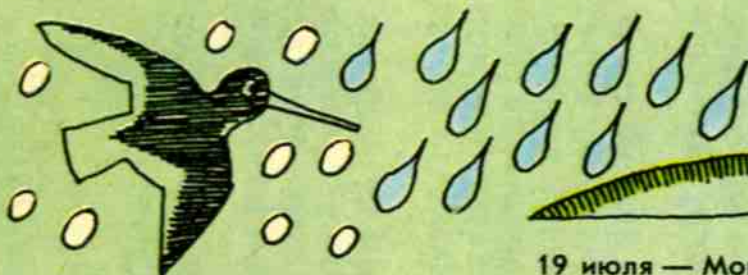
У русского крестьянина был свой особый календарь. Год на год не приходится. Земля то расщедрится, наградит урожаем, а то без хлеба оставит. Потому-то у сеятеля каждый день на примете, а иные и по давню — волшебные.

Под 1 января весь год угадывали. Если нет звёзд — гороха не будет. Значит, и сеять его не надо.

Ночью из копны вынимали колосок и сажали в снег. Если утром колосок в инее — всею радостью, быть великому урожаю.

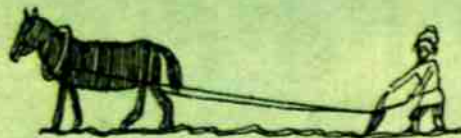
День 28 января назывался Кудесами. В этот день хозяйки старались сварить такую кашу, чтоб и вкусна была, и душиста, и рассыпчата. Чугун обкладывали угольками и в полночь ставили к порогу. Считалось, что за зиму домовой похудел и его надо подкормить, не то рассердится.

9 марта — Сороки. С этого дня считают утренние морозы. Их бывает сорок. На Сороки прилетает кулик из-за моря, приносит воду из неволя.

22 марта, если в небе красные круги, — быть году плодородному.

19 июля — Мокрида. «Смотри осень по Мокриде, — говорили. — Мокрида мокра, и осень мокра».

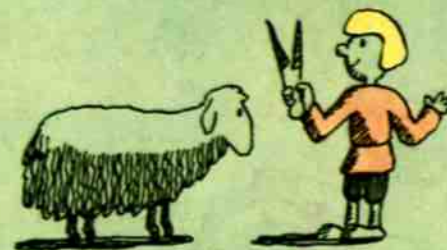

1 августа — Пчелиный праздник. Пчёлы работать перестают.

2 августа примечали: каков день, такой и сентябрь будет.

4 октября в лес не ходили. В этот день Леший, устав бродить по опустелому лесу, ужасно сердится. Деревья ломает, как тростинки. На полянах землю на семь пядей вскапывает, зверьё загоняет в норы, а потом уж и сам проваливается.

29 октября овец стригли.

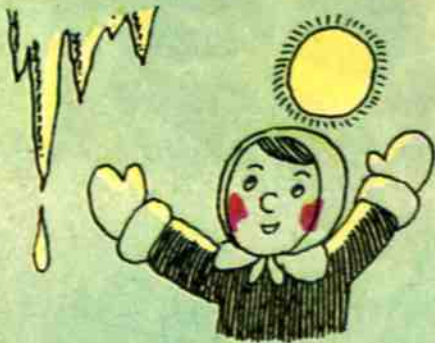
15 февраля, на Онисима-овчарника, звёзды окликали:

— Звёзды яркие, народите белы яркие!

Ярками называли белых овец.

25 февраля ни один крестьянин, как бы ни устал, днём не то что заснуть, прилечь опасался. Этак можно было Кумаху наспать. Лихорадку. Крестьяне верили, что Кумаха живёт в лесу, в избе без крыши. У Кумахи двенадцать сестёр. 25 февраля все они отправлялись из холодной своей избы по деревням и сёлам спящих людей знобить.

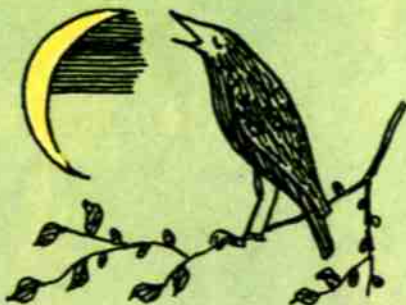

1 марта, на день Авдотьи-весновки, дети спрашивали у весны:

— Весна красна, что ты нам принесла?

— Красное летечко!

1 мая — Еремей-запрягальник. Крестьянин знал: если на Еремея погоже, то и уборка хлеба будет пригожа.

2 мая — соловьиный день. На ночь глядя уходили в леса, высмотреть на счастье белого соловья.

31 мая — Еремей-распрягальник. Отсеялся крестьянин.

1 июля крестьянин утром кошу брал. Кузьмы и Демьяны пришли — на покос пошли.

1 сентября ласточки любят в колодцы нырять, потому и говорят: «Ласточки мух и тараканов хоронят».

Когда-то 1 сентября начинался Новый год. Под 1-е гасили старый огонь и вытирали из дерева новый, как в доисторическое время.

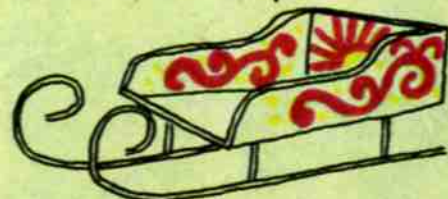
18 сентября, если видели, что журавли улетают, кричали им: — Колесом дорога!

Журавли тогда опускались на землю, откладывали полёт, а стало быть, и зима отдалялась.

Рис. А. СЕМЕНОВА

11 ноября говорили: «На Фёдора Студита стало холодно и сердито». В этот день прилетали с севера не птицы — студёные зимние ветры.

24 ноября детям дарили санки, где простые, где расписные, где и с позолотой.

31 декабря — Щедрый вечер. Ночью гадают, «Авсень» поют. На небо поглядывают: звёздное — к ягодам.

Да, ещё... В эту ночь ведьмы месяц крадут.

А теперь вам, ребята, задача. Календарь этот дан по старому стилю. Он отстаёт от современного на 13 дней. Если хотите сами понаблюдать за природой, сверить приметы наших дедов и прадедов, потрудитесь, посчитайте.

ОПАСНОЕ ЛЕТО

Туве ЯНССОН

Окончание

Утром того самого дня, когда Мумипапа писал свою пьесу, а Мумитролль попал в тюрьму, Снусмумрик проснулся оттого, что в шалаш стали просачиваться дождевые капли.

Боясь разбудить малышей, он осторожно выглянул из шалаша.

Там, в мокром лесу, на ковре из полевых гвоздик, рос прекрасный зелёный папоротник, но Снусмумрик пожалел, что вместо этого цветочного ковра не было поля с репой или брюквой.

«Да, вот так же, наверно, чувствуешь себя, когда становишься отцом,— подумал он.— Чем я буду сегодня кормить малышей? Мю не съест много, но эта орава опустошит весь рюкзак».

Он обернулся и посмотрел на маленький лесной народец, спавший в шалаше прямо на поросшей мхом земле.

«Теперь они ещё начнут чихать от дождя,— мрачно подумал он про себя.— Да и это не самое страшное. Просто не знаю, что и придумать, чтобы развлечь их. Боюсь, что я не доберусь в долину Мумидален до самой осени. Как будет хорошо, когда Муми-мама возьмёт их всех на своё попечение!»

Мумитролль,— с неожиданной нежностью подумал Снусмумрик.— Мы снова будем плавать вместе при лунном свете, а потом поболтаем в пещере...» И Снусмумрик принялся просматривать худую крышу шалаша.

Девятая глава О ТЮРЕМНОМ НАДЗИРАТЕЛЕ, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ТЕАТР

На следующее утро были разосланы театральные афишки. Птицы летали над заливом и сбрасывали театральные плакатики. Красочные афишки, их нарисовали Хомса и Мюмла, кружились над лесом, над берегом, над лугами, над водой, над крышами домов и садами.

Одна афишка, покружив над тюрьмой, упала к ногам Хемуля. Он сидел и дремал на солнышке, натянув полицейскую фуражку на лоб. Хемуль тотчас заподозрил, что это было тайное послание узникам, и цепко схватил листок.

Как раз сейчас у него под замком сидело не меньше трёх узников, а больше у него никогда не бывало с тех пор, как он стал надзирателем тюрьмы. Уже около двух лет ему не доводилось нико-

го стеречь, и понятно, почему он так боялся за своих подопечных.

Итак, Хемуль водрузил на нос очки и вслух прочёл афишку.

— Премьера! — читал он.—

Премьера!
„НЕВЕСТЫ
ЛЬВА“
ИЛИ
РОДСТВЕННЫЕ
„УЗЫ“

Одноактная драма Муми-папы

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Муми-мама, Муми-папа, Мюмла,
Миса и Хомса.

ХОР: Эмма.

Входная плата — любая еда.

НАЧАЛО: сегодня вечером, когда
зайдёт солнце, если не будет дождя и
ветра, окончание — в тот час, когда
детям пора спать. Представление
состоится посреди залива Гранвикен.

Лодки можно брать напрокат у
хемулей.

Дирекция театра

— Театр? — задумчиво произнёс Хемуль и снял очки. В его очерстневшем сердце затеплилась слабая искорка воспоминаний детства. Верно, тётя однажды водила его в театр. Они смотрели пьесу о какой-то спящей красавице принцессе, которая заснула под кустом роз. Было необычайно красиво, и Хемулю очень понравилось. Внезапно он понял, что ему снова захотелось в театр.

Но кто будет сторожить узников?

Он не помнил, чтобы хоть один хемуль когда-нибудь бездельничал. Бедный надзиратель ломал себе голову — что делать? Он уткнулся носом в прутья железной клетки, стоявшей в тени, и сказал:

— Мне бы так хотелось пойти в театр сегодня вечером.

— В театр? — переспросил Мумитрольль и наострил уши.

— Да, на спектакль «Невесты льва», — заявил Хемуль и сунул афишку в клетку. — Не знаю, кого мне оставить сторожить вас.

Мумитрольль и фрёкен Снорк посмотрели на театральную афишку, а потом друг на друга.

— Наверняка что-нибудь о принцессах, — сказал Хемуль печальным голосом. — Сколько лет прошло с тех пор, как я видел маленькую принцессу!

— Тебе надо обязательно пойти и посмотреть на неё, — сказала фрёкен Снорк. — Разве у тебя нет на примете какого-нибудь доброго родственника, который тем временем посторожил бы нас?

— Конечно, у меня есть двоюродная сестра, — ответил Хемуль. — Но она слишком добрая и может вас выпустить.

— А когда нас казнят? — внезапно спросила Филифьонка.

— Вот ещё, никто не собирается вас казнить, — смущённо ответил Хемуль. — Вы будете сидеть в кутузке, пока не сознаетесь в том, что натворили...

— Но ведь мы не виноваты... — начала было Филифьонка.

— Да-да-да! Опять за старое, — прервал её Хемуль. — Я уже это слышал, так все говорят.

— Послушай-ка, — сказал Мумитрольль. — Ты будешь раскаиваться всю свою жизнь, если не пойдёшь в театр.

— Да, уж это верно, — угрюмо согласился Хемуль. Он поднялся и засеменил куда-то.

Вскоре он привёл с собой маленькую тщедушненькую хемулиху. Она казалась очень испуганной.

— Ну как, сможешь посторожить их за меня? — спросил Хемуль.

— А они не кусаются? — прошептала крохотная хемулиха.

Хемуль фыркнул и протянул ей ключ от клетки.

— Конечно, — пошутил он. — Они перегрызут тебя пополам, кникс-кнак, если ты выпустишь их. А я пошёл переодеваться перед премьерой.

Как только Хемуль удалился, Мумитроль мрачно сказал:

— Пожалуй, мы умрём здесь от холода.

— Вы и вправду так замёрзли? — в ужасе спросила маленькая хемулиха. — Может, вы не откажетесь выпить чашку горячего чая?

И хемулиха тут же открыла клетку. Все вместе они отправились к ней пить горячий чай с пирожками.

Десятая глава О ПРЕМЬЕРЕ ПЬЕСЫ

Пока маленькая хемулиха угощала гостей чаем у себя дома, театральные афишки продолжали кружиться над лесом. Одна из них спланировала на лесную полянку и прилипла к крыше, которую только что просмолили.

В тот же миг двадцать четыре малыша вскарабкались на крышу, чтобы подобрать листок. Каждый из них хотел первым вручить его Снусмумрику. А поскольку афишка была из тонкой бумаги, она тотчас превратилась в двадцать четыре клочка.

— Тебе письмо! — визжали лесные малыши, скатываясь, спрыгивая и съезжая с крыши.

— Вы что, забыли, что мы утром просмолили крышу? — ворчал Снусмумрик. — Может, вы хотите, чтобы я ушёл от вас или бросился в море?

— Не хотим! — кричали малыши, дергая его за пиджак. — Прочти лучше письмо!

Он разложил на траве смятые клочки бумаги и попытался сложить вместе то, что осталось от афишки.

— Читай вслух! — закричали малыши.

— Ну вот что, — сказал Снусмумрик и поднял глаза от письма. — Это, мои

маленькие злодеи, не письмо, а театральная афишка. Ясно, что кто-то даёт театральное представление сегодня вечером в заливе Гранвикен. Почему они устраивают спектакль на воде, знает лишь покровитель всех лесных зверюшек, но, может, по ходу действия им нужны волны.

— А малышам вход запрещён? — спросил самый младший.

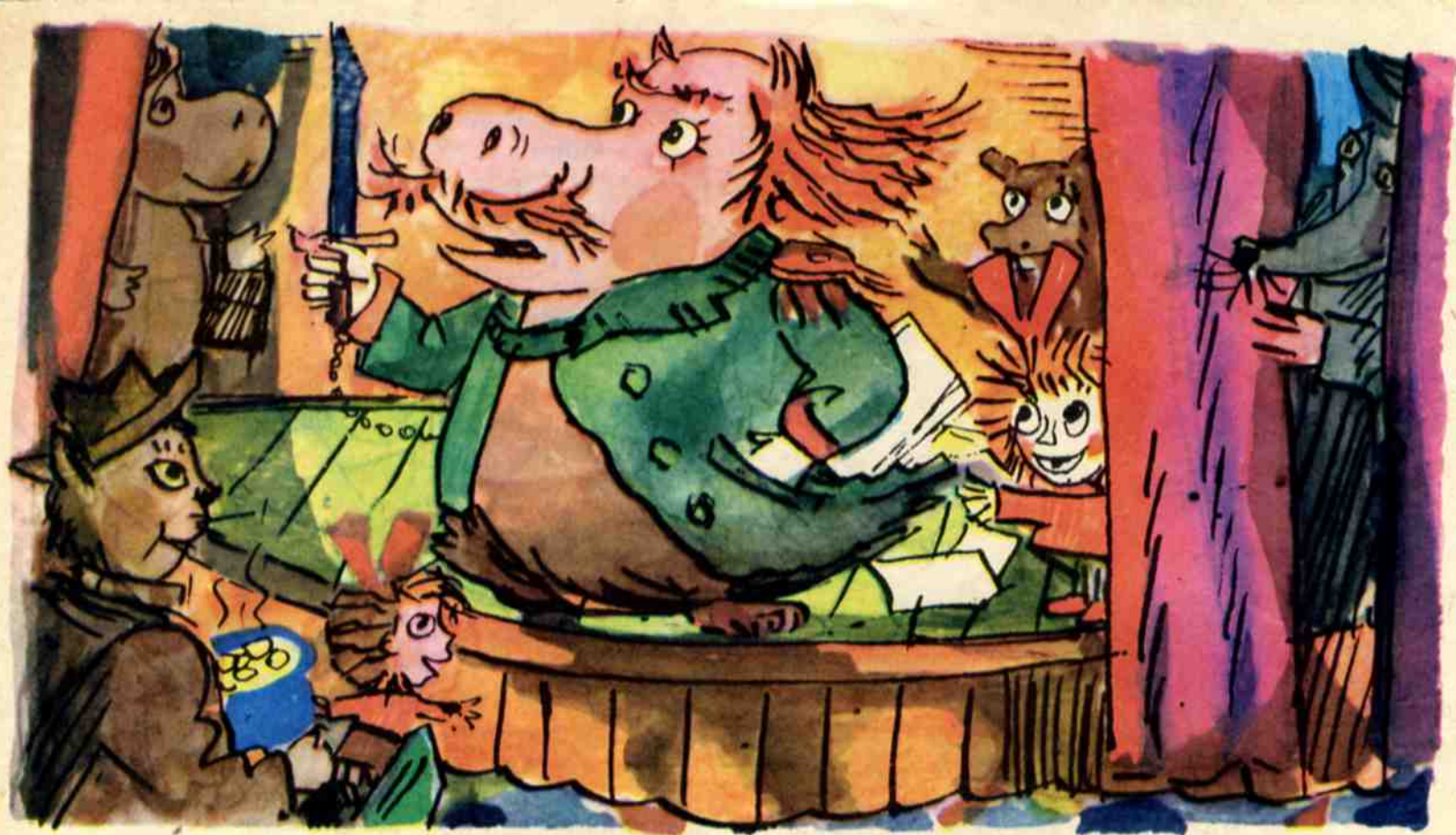
Снусмумрик посмотрел на них и понял, что они непременно должны побывать в театре.

Солнце уже опустилось почти до самого горизонта, когда Снусмумрик наконец справился со всеми платицами и штанишками. Конечно, на них ещё виднелись остатки смолы, но по крайней мере было видно, что он старался во всю.

Взволнованные и торжественные, отправились они к заливу Гранвикен.

Снусмумрик шёл первым, прижав к груди горшочек бобов, а за ним парами следовали его лесные малыши, расчёсанные на прямой пробор от бровей до самого хвостика.

Малышка Мю сидела на шляпе Снусмумрика и распевала. Она завернулась в этикетку от кофе, так как к вечеру

могло похолодать. По случаю премьеры у берега царило всеобщее оживление. Залив был битком набит лодками, все они направлялись к театру.

Самодеятельный оркестр хемулей играл на плоту у самой рампы, сиявшей огнями.

Был тихий, чудесный вечер.

За две горсти бобов Снусмумрик взял напрокат лодку и стал грести к театру.

Тут оркестр умолк, и все заплодировали.

Потом всё стихло.

В полной тишине за занавесом раздались три резких удара об пол.

— Мне страшно! — запищал самый маленький и схватил Снусмумрика за рукав пиджака.

— Ну-ну, держись за меня, и всё обойдётся, — подбодрил его Снусмумрик. — Видишь, они уже поднимают занавес.

Занавес медленно поднялся, и бесчисленные зрители увидели скалистый пейзаж.

Справа на сцене сидела Мюмла в тюлевой юбочке, и на голове у неё был венок из бумажных цветов.

— Нет, это не похоже на ту красивую пьесу, которую я видел в молодости, — сказал Хемуль, сидевший в соседней лодке.

Малышка Мю перегнулась через бортик шляпы и сказала:

— Провалиться мне сквозь землю, если это не моя старушка сестрица!

— Разве ты в родстве с Мюмлой? — удивился Снусмумрик.

— Но я же всё время болтала о своей сестре, — сказала Мю с обидой. — Ты, видно, совсем не слушал меня.

Снусмумрик глядел на сцену. Он видел, как слева вышел на сцену Мумипапа и принялся декламировать стихи.

А потом выплыла и Муми-мама.

«Что случилось с семейством мумитроллей? — подумал он. — Правда, они всегда что-нибудь придумывали, но это уж слишком! Теперь, чего доброго, выйдет на сцену Муми-тролль и начнёт декламировать».

И Снусмумрик принялся поднимать двоих малышей на сцену. Спектакль становился всё веселее. И мало-помалу вся публика перебралась из лодок на сцену и приняла участие в спектакле.

Но Муми-тролль не появлялся. Он только ещё подплывал к театру.

Слабые удары вёсел слышались всё ближе. Позвякивал маленький колокольчик.

— Мама! — кричал кто-то. — Папа! Я вернулся домой!

— Нет, невероятно, — сказал Хемуль. — Это же мои узники! Скорее хватайте их, пока они не сожгли весь театр.

Муми-мама бросилась к рампе. Она увидела, как Муми-тролль уронил весло в воду, разворачивая лодку. В замешательстве он пытался грести вторым веслом, но лодка кружилась на одном месте. На корме сидела маленькая худенькая хемулиха с добрым лицом и что-то кричала, но что именно — никто не мог понять.

— Спасайтесь! — кричала Муми-мама. — Спасайтесь! Полиция!

— Держите их! — в бешенстве кричал Хемуль.

— Погоди-ка, — спокойно прервал Хемуля Снусмумрик. — Здесь какое-то недоразумение. Ведь это я сорвал все таблички. А что, Сторож всё ещё светится?

Хемуль обернулся и впился глазами в Снусмумрика. Он медленно приближался, широко расставив свои огромные лапы, чтобы схватить за ворот Снусмумрика. Вот он всё ближе и ближе, вот он бросается вперёд, и тут...

Вращающаяся сцена закружилась с невероятной быстротой. Они услышали, как засмеялась Эмма, но на этот раз она смеялась не презрительно, а победно и весело.

Всё произошло так быстро, что зрителям было трудно уследить за событиями. Все потеряли равновесие и попадали друг на друга, сцена же продолжала вертеться вместе со всеми. А двадцать четыре лесных малыша набросились на Хемуля и вцепились в его полицейский мундир.

Снусмумрик, словно тигр, перепрыгнул рампу и очутился в одной из пустых лодок. Лодочку Муми-тролля опрокинуло набежавшей волной. Фрёкен Снорк,

Филифьонка и маленькая хемулиха поплыли к театру.

Как только Муми-тролль высунул мордочку из воды, он огляделся и поплыл в сторону лодки Снусмумрика.

Муми-тролль взобрался в лодку к Снусмумрику, и лодка исчезла в ночи. Так им удалось сбить Хемуля со следа. А через некоторое время они вернулись к своим друзьям.

...Как только вода начала спадать, все заторопились домой. День и ночь шли обитатели долины Муми-дален на вёслах и под парусами, а когда вода совсем спала, продолжали пешком добираться до тех мест, где жили раньше.

Дома всё было как прежде. Прекрасные перила на веранде, сделанные вручную, не сломались. По-прежнему красовался подсолнечник. Бочка с водой стояла на своём месте. Гамак от морской воды посветлел.

Казалось, будто ничего не произошло и никогда больше им не будет грозить опасность.

Муми-тролль отправился к болотцу с прозрачно-рыжеватой водой. Тут он принялся искать что-то в траве.

Прошло несколько минут, пока он отыскал берестяной кораблик.

Муми-тролль пошёл обратно к дому через сад. Вечер был прохладный и тихий, мокрые цветы благоухали сильнее обычного.

Мама сидела на крылечке, поджидая его. Она что-то держала в лапе.

— Угадай, что это? — весело спросила она.

— Это шлюпка! — воскликнул Муми-тролль и засмеялся.

Он смеялся не потому, что ему было очень весело, а потому, что он чувствовал себя бесконечно счастливым.

*Перевели со шведского
Л. БРАУДЕ и Е. ПАКЛИНА*

Рис. В. КАНЕВСКОГО

Айога

Дмитрий
НАГИШКИН

В роду Самаров жил один нанаец — Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет.

Айога загордилась. Стала рассматривать своё лицо. И понравилась сама себе. Смотрит — не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде любуется.

Совсем стала Айога ленивая.

Всё любуется собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Пойди принеси воды, Айога!

Дочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись,— говорит ей мать.

— Куст оборвётся! — отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возьми.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся,— говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается!

— Возьми толстую иголку,— говорит отец.

— Палец уколую! — отвечает дочка.

— Напёрсток надень из крепкой кожи — ровдуги.

— Напёрсток прорвётся!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки. На раскалённом очаге испекла.

Увидела Айога лепёшки, кричит:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она. Руки обожжёшь,— отвечает мать.

— Я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они,— отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— отвечает мать.— Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепёшку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла за дверь, на реку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка жуёт лепёшку. Стала

Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО

Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного
редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный
секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический
редактор
Г. БЕЛОВА

Сдано в набор 12.10.87.
Подписано
в печать 29.10.87.
Формат 84×108^{1/16}.
Печать офсетная.
Услови. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 3,7.
Тираж 5 500 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 231.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательско-
полиграфическое
объединение
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

Типография ордена
Трудового Красного
Знамени издательско-
полиграфического
объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Суцёвская, 21

Макет
М. ЖУРАВСКОГО
Рисунок на обложке
Л. ТОКМАКОВА

Айога на девочку оглядываться. Шея у неё вытяну-
лась — длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку. Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала ру-
ками, пальцы растопырила, побелела вся от злости —
так замахала, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на бе-
регу, бултыхнулась Айога
в воду и превратилась в
гуся.

Плавает и кричит:

— Ах, какая я краси-
вая! Го-го-го! Ах, какая я
красивая!..

Плавала, плавала, пока
по-нанайски говорить не
разучилась. Все слова за-
была.

Только имя своё не за-
была, чтобы с кем-нибудь
её, красавицу, не спутали,
и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-
ога-га-га!

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Тысячу рублей из гонорара
этого номера журнал «Мурзилка»
перечисляет в Советский
детский фонд имени В. И. Ленина.

САМАЯ САМ

Мурзилка предлагает самодельные ёлочные игрушки, сделанные из яичной скорлупы. Для этого надо аккуратно освободить яйцо от содержимого, сделав два небольших отверстия с двух противоположных сторон. Ещё потребуются краски, цветная бумага, клей, нитки и, конечно, ваше воображение и умелые руки. Хорошо, если в подготовке к празднованию Нового года будет участвовать вся семья.

